

«Петербургская идея»

Эльмо Нюганена

Русский телеграф — 1998 — 26 марта — с. 10

Недавно закончившийся театральный фестиваль «Золотая маска» заставил москвичей позавидовать богатству петербургской театральной жизни. На III Международном фестивале им. Чехова северная столица будет представлена не менее широко. Среди спектаклей, которые предстоит увидеть москвичам, — «Аркадия», поставленная в БДТ по неизвестной русскому зрителю пьесе Тома Стоппарда. Ее постановщик — Эльмо Нюганен, эстонский режиссер, фаворит фестиваля «Балтийский дом» и любимец питерской критики. В перерывах между репетициями с постановщиком беседует МАРИНА ДМИТРЕВСКАЯ

М.Д. Эльмо, до премьеры — две недели, за спиной — несколько этапов работы, то есть та точка, когда еще можно вспомнить намерения, уже можно думать о результате, но пока идет процесс. И вот первый вопрос: ты жил-жил в своем «театральном Эдеме» — и вдруг возникли Россия, Петербург и «Аркадия» Тома Стоппарда. Почему?

Э.Н. Переговоры шли одновременно с Москвой и Петербургом. Сейчас мне трудно однозначно ответить, почему Петербург оказался для меня ближе и симпатичнее, судьба распорядилась так, и у меня возникла «петербургская идея». Я знал одну хорошую пьесу — и подумал, что если ставить эту пьесу, то не в Москве, а именно в Петербурге. Этот город показался мне более близок тому, о чем говорится в «Аркадии» Стоппарда. Действие пьесы происходит одновременно в начале XIX и в конце XX века. Может быть, жители Петербурга уже привыкли к этому, и повседневность не дает им возможности замечать, что вокруг них — одновременно XVIII, XIX и начало XX века. Попадая в Петербург, чувствуешь, что именно в этом городе понятие Времени неоднозначно. Может показаться, что время здесь не всегда течет в одну сторону, а может дать задний ход...

М.Д. Как говорится в пьесе — не «тик-так», а «так-тик»...

Э.Н. Время — главный герой этой пьесы (то ли отсутствие времени, то ли его тождественность в разных веках). Кроме того, в «Аркадии» есть другой герой, который не появляется, но о котором много говорят. Это лорд Байрон, и если искать здесь рифмы, то они неизбежно возникают тоже именно с Петербургом: здесь ходили Пушкин, Лермонтов... Эти связи здесь очень ощущаются, и я думаю, что зритель именно этого города поймет и почувствует «Аркадию». Я даже думаю, что, сам не зная этого, он ждет этой пьесы. Может быть, это нетактично, но мне кажется, что этот город нуждается в иной драматургии, чем Москва. Сегодня я слышал, как один петербургский кинорежиссер сказал, что по сравнению с Москвой Петербург — провинция: здесь еще сохранились старомодные люди. И это

очень приятно. Персонажи «Аркадии» в каком-то смысле тоже старомодны, но если подняться чуть выше и посмотреть на них, выяснится, что именно они занимаются истинными и вечными вещами, а не тем, что кажется важным в эту минуту.

М.Д. Ты приезжаешь сюда как заграничный режиссер. У тебя есть рефлексия по поводу пространственных взаимоотношений?

Э.Н. Иногда я чувствую себя заграничным человеком, иногда — нет. Во-первых, я более или менее знаю язык, и, таким образом, вопрос взаимоотношений с людьми снимается. Тем более, что 10 лет назад это считалось единым пространством. Как вам трудно сказать про меня — какой я, свой или заграничный, — так и мне. Трудно найти слово. Я взял не эстонскую и не русскую драматургию. Мне сразу казалось — нужно взять западного автора. Ведь считается, что западные страны построены более разумно, а разумные люди сдерживают свои эмоции. А русский театр всегда был эмоциональным — и я подумал соединить это.

М.Д. А чем ментальность российского актера отличается от эстонского?

Э.Н. Сразу замечаешь, что эстонские актеры ведут себя более сдержанно. И то, что в Эстонии уже казалось бы конфликтом (репетиционный разговор на определенном градусе), здесь обычное состояние. Если мы на таком накале не общаемся, то вроде мы не репетируем — как же можно по-другому? И я пытаюсь приспособиться. В русской театральной школе есть нечто такое, что мне трудно сформулировать. Русские актеры улавливают... сразу что-то. Как это назвать? Улавливают быстро... То ли это органика, то ли природа персонажа. Режиссер изначально знает о пьесе больше, дает какую-то задачу, рисунок, и сами по себе его идеи могут быть интересны и правильны, но актер сразу чувствует долю неправды и тут же говорит — это невозможно, потому что... Это может режиссера раздражать, но если вдуматься, русский актер прав: он знает что-то... не знаю что, хотя много думаю об этом. Наверное, они чувствуют, как играть человека.

М.Д. Петербург тебя не просто при-

нял, а просто удивительно поддержал.

Э.Н. Если, например, говорить о нашем художнике, Эдуарде Кочергине, то у меня до этого вообще был только один случай, когда художник что-то давал мне сам. Обычно придумываешь в одиночку. А здесь с ним мне очень легко и хорошо. Он знает петербургскую культуру как никто, знает законы культурного бытования, знает, из каких материальных вещей возникает дух. Он — как XIX век, как классика.

М.Д. Ты приехал с «Аркадией», не зная труппы. Театр не зная пьесу. Тем не менее вы ударили по рукам.

Э.Н. В «Аркадии» есть захватывающая детективная история. Несколько любовных линий (как во всякой хорошей драме). Дуэль, как положено в XIX веке. Есть настоящий поэт, Байрон, и псевдопоэт. Учитель и гениальная девочка, и мальчик, который все время молчит (и непонятно — не хочет он говорить или не может, или все знает), садовый архитектор и капитан флота Ее Величества. В общем — дуэль и компьютер. Яблоку, которое то ли упало на голову Ньютону, то ли пришло из райского сада. Интригует? Но это такая пьеса.

Мариам Ахмед

26.03.98